

На правах рукописи

Мереминский Станислав Григорьевич

**ФОРМИРОВАНИЕ АНГЛИЙСКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
ВО 2-Й ПОЛ. XI – 1-Й ПОЛ. XII ВВ.**

специальность 07.00.03 – всеобщая история (средние века)

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва, 2006 г.

Работа выполнена на кафедре истории средних веков Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова

Научный руководитель: д.и.н. И.С.Филиппов

Официальные оппоненты: д.и.н. Е.А.Мельникова
к.и.н. А.И.Сидоров

Ведущая организация: Воронежский государственный университет

Защита состоится «___» _____ 2006 г. в ___ ч. на заседании Диссертационного совета К.501.001.16 по всеобщей истории Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119992, Москва, Воробьевы горы, МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им. А.М. Горького (1-й корпус гуманитарных факультетов МГУ).

Автореферат разослан «___» _____ 2006 г.

ученый секретарь
диссертационного совета
к.и.н.

Т.В. Никитина

Общая характеристика работы

Актуальность исследования

В последние несколько десятилетий одним из наиболее динамично развивающихся направлений в исторической науке является изучение феномена исторической памяти, то есть символической репрезентации представлений индивидов и групп о своем прошлом. Помимо познавательной функции, историческая память играет важнейшую роль в самоидентификации отдельных людей и общества в целом. «Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях»¹. Отражением коллективной памяти о прошлом в письменных источниках является историческая традиция.

Важное место в исследовании исторических стереотипов и мифов занимает выявление их истоков, часто уходящих корнями в средневековье². К числу «историографических полей», на которых эта тематика изучается наиболее активно, принадлежит английская история. Национальная история и традиции всегда играли большую роль в жизни английского общества. В истории искали обоснование своих идей политики, юристы и церковные реформаторы XVI – XVII вв., а апогея «культ прошлого», в особенности англосаксонского, достиг в викторианскую эпоху. Мировые войны и последовавший за ними крах Британской империи не уничтожили, а лишь трансформировали историческую память общества. Однако, несмотря на большое внимание, уделяемое как зарубежными, так и отечественными исследователями данной проблематике, в ней остается немало лакун. В частности, до сих пор не существует работ, содержащих комплексный анализ развития исторической традиции в англо-нормандскую эпоху (2-я пол. XI – 1-я пол. XII вв.). Между тем, на исключительное значение этого периода для формирования представлений об английском прошлом в разное время указывали такие крупные ученые как В.Гэлбрейт, Р.Сазерн и Дж.Кэмпбелл³. Хорошо известно, что именно труды авторов англо-

¹ Репина Л.П. Память и историописание // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П.Репиной. М., 2006. С. 24.

² См.: Шнирельман В.А. Национальные символы, этно-исторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 2. М., 1999. С. 118-147.

³ Galbraith V.H. Historical Research in Medieval England. London, 1951. P. 24-27; Southern R.W. Aspects of the European Tradition of Historical Writing: 4. The Sense of Past // Transactions of the

нормандского времени служили основой для сочинений и средневековых хронистов последующих столетий, и антиквариев Раннего Нового времени, и историков XIX в.

Нормандское завоевание 1066 г. серьезно изменило политический, социальный, этнический и культурный облик Англии, но, при этом, не привело к радикальной смене идентичности населения страны. Считается, что небывалый подъем историографической активности в Англии в первое столетие после Завоевания стал одним из важнейших факторов, способствовавших конечной ассимиляции переселенцев с континента и принятию ими английской национальной идентичности. Однако понять причины, механизмы и результаты этой активности можно лишь через анализ максимально большого числа источников, причем не изолированно, а в общем контексте.

В более широкой перспективе изучение исторической традиции англо-нормандской эпохи позволяет приблизиться к пониманию места представлений о прошлом в средневековом мире, способов их сохранения, передачи, трансформации и конструирования. Большой интерес представляет также взаимодействие в рамках единого общества нескольких традиций, различающихся не только содержанием, но и языком (в этот период в Англии создавались тексты на латыни, древне- и среднеанглийском и англо-нормандском диалекте старофранцузского) и социальной принадлежностью их носителей.

Цель исследования состоит в том, чтобы изучить представления о прошлом, бытовавшие в англо-нормандскую эпоху, в той мере, в какой они нашли отражение в сохранившихся источниках. Кроме того, анализировалось функционирование историописания в пространстве и времени: создание и циркуляция текстов и их отдельных списков, контакты между различными авторами и центрами, влияние на эти процессы событий политической, социальной, церковной истории. Соответственно, в работе были поставлены следующие вопросы:

1) Каков был «историографический ландшафт» Англии на протяжении данного периода, в каких центрах историографическая активность была наибольшей?

Royal Historical Society, 5th ser. .1973. 24. P. 246-247; *Campbell J.* Some Twelfth-Century Views of the Anglo-Saxon Past // *Peritia*. 1984. 3. P. 131-150.

2) Какие связи существовали между этими центрами? Можно ли вывести определенные закономерности этих процессов на локальном или национальном уровне?

3) Изменился ли характер историографической активности в Англии после 1066 г., по сравнению с предшествующей эпохой? Если да, то как именно? И какие изменения претерпела эта активность на протяжении рассматриваемого периода?

4) Как англо-нормандские историки представляли себе ключевые проблемы английской истории: приход англосаксонских племен, христианизацию, объединение страны, борьбу с иностранными вторжениями, Нормандское завоевание?

Хронологические рамки исследования определяются достаточно четко. Естественной нижней границей является Нормандское завоевание 1066 г. – одно из ключевых событий в истории Англии, серьезно изменившее ее этнический, социальный и политический облик. Выбор верхней границы также достаточно очевиден – восшествие на престол в 1154 г. Генриха II. Это событие означало включение Англии в обширную, хотя и оказавшуюся недолговечной, империю Плантагенетов, «центр тяжести» которой находился на континенте. В результате, круг интересов и возможных источников у английских хронистов конца XII в. был существенно иным, чем у их предшественников, трудившихся в начале столетия. Не стоит также забывать, что воцарение Генриха II положило конец сотрясавшей Англию на протяжении полутора десятилетий ожесточенной гражданской войне, которая, однако, не носила этнической окраски: друг другу противостояли две партии внутри феодальной верхушки англо-нормандского государства, отстаивавшие претензии на престол Стефана и Матильды, племянника и дочери покойного Генриха I. Из этого следует, что пафос противостояния англичан и нормандцев к этому времени в значительной мере потерял актуальность. Не случайно, именно правление первого представителя династии Плантагенетов рассматривается современными исследователями как завершающий этап в процессе ассимиляции нормандских иммигрантов с коренным англосаксонским населением⁴. Кроме того, 1154 г. стал определенным рубежом и в истории английского историописания. Восшествием на престол Генриха II оканчиваются сочинения Генриха Хантингдонского, Иоанна Хек-

⁴ *Thomas H.M.* The English and the Normans: Ethnic Hostility, Assimilation and National Identity. Oxford, 2003. P. 56-69.

семского и Эйльреда из Рьево, несколько раньше (в 1140-е гг.) прекращается литературная деятельность Вильгельма Мальмсберийского, Иоанна Вустерского и Ордерика Виталия – практически всех крупнейших представителей англо-нормандской хронистики.

В выборе **источников исследования** ставка была сделана на максимально широкий временной (внутри выбранного периода), географический и жанровый охват. С учетом специфики темы, центральное место было отведено нарративным источникам, в которых наиболее явно находило отражение то, как тот или иной автор или корпорация стремились реконструировать (или конструировать) прошлое. Напротив, в документах, в силу самой их природы, как правило, находили отражение уже устоявшиеся представления об истории. Исключением являются *собрания* документов (картулярии, комплексы поддельных грамот). В рамках нарративных памятников, анализу подвергались не только собственно хронографические, но и агиографические, юридические, поэтические и другие сочинения, в той или иной форме отражающие присущие этой эпохе представления о прошлом. В свою очередь, среди хронографических источников можно выделить всемирные и общеанглийские истории и хроники, локальные истории, анналы, а также, пользуясь удачным выражением Д.Дамвилла, «тексты-каталоги»⁵. К последним относятся генеалогии, списки королей, других светских сеньоров и прелатов, перечни городов, графств и диоцезов, часто представленные в виде специальных небольших трактатов. К этой же группе примыкают тексты, связанные с литургией: синодики (иногда оформлявшиеся в виде специальных «Книг жизни» – *Libri Vitae*), календари с праздниками святых и т. д. Такое разнообразие материала дает обильную почву для разного рода сопоставлений.

Научная новизна. В данной работе впервые предпринимается попытка исследования всего корпуса источников англо-нормандской эпохи, отражающих представления о прошлом. Впервые предметом специального анализа становятся такие вопросы, как развитие историописания внутри отдельных регионов Англии, а также между ними. Впервые на максимально широком материале выявляются основные подходы авторов рассматриваемого периода к темам, являвшимся для них ключевыми в понимании «церковной» и «светской» истории: «крещению» Британии, ранней политической истории англосаксонских племен,

⁵ *Dumville D.N. Kingship, Genealogies and Regnal Lists // Early Medieval Kingship / Ed. by P.H.Sawyer. Leeds, 1977. P. 72-104.*

периодизации истории острова и т. д. Наконец, в диссертационном исследовании делается ряд новых конкретно-исторических выводов, касающихся развития историописания в англо-нормандскую эпоху. Так, уточняется текстология и «генетическое досье» многих сочинений («История королей англов», «История после смерти Беды», «Хроника» Иоанна Вустерского, трактат «О приходе саксов», «Письмо об архиепископах Йорка» Симеона Даремского, «История о королевских деяниях» Альфреда из Беверли, «Хроника архиепископов Йорка» и др.), некоторые тексты или их фрагменты (трактат о графствах и диоцезах Англии, сокращенная версия «Истории королей англов», начальная часть трактата «Об аббатах Абингдона»), по сути, впервые вводятся в научный оборот.

Методологическая основа исследования. Диссертация написана на стыке двух направлений современной медиевистики: изучения исторической памяти и письменной культуры средневековья. В основу работы был положен анализ содержания источников (выявление повторяющихся тем, сюжетов, образов, относящихся к английской истории, и их варьирование в трудах авторов изучаемой эпохи) в сочетании с традиционными источниковедческими методиками (кодикологией, палеографией, сравнительной текстологией). На данном этапе исследования мы не ставили целью проведение детального герменевтического анализа отдельных текстов. В дальнейшем такого рода исследования, бесспорно, могут принести важные и интересные результаты, касающиеся исторической культуры англо-нормандской эпохи, однако, как убедительно продемонстрировал на материале древнерусского летописания И.Н.Данилевский, герменевтическому анализу любого произведения обязательно должно предшествовать выявление с помощью приемов классического источниковедения его *генетического досье*, то есть времени и места создания, авторства, последовательности изменения текста и содержащихся в нем заимствованиях из других памятников⁶. Кроме того, наличие большого числа текстов исторического содержания, созданных в Англии в конце XI – 1-й пол. XII вв., делает первостепенной именно задачу выявления исторической традиции, то есть комплекса общих представлений о прошлом, сформировавшегося у авторов англо-нормандской эпохи и унаследованного от них позднейшими поколениями хронистов.

Практическая значимость исследования. Общие выводы и частные на-

⁶ Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 270-272.

блюдения, сделанные в диссертации, могут быть использованы при написании общих работ по следующим направлениям: средневековая история Англии, изучение исторической памяти и историописания в средние века, история письменной культуры, историография. Результаты могут оказаться полезными для сравнительных исследований хронистики англо-нормандской эпохи и других исторических традиций, например, древнерусского летописания. Они могут использоваться в курсах лекций и учебных пособиях по истории средних веков, источниковедению и историографии.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации докладывались на XV и XVI Чтениях памяти В.Т.Пашуто в 2003 и 2004 гг., научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-2002», Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Мужчина и женщина в Средние века и Раннее Новое время» (Москва, 2004 г.).

Структура и содержание диссертации

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы и одного приложения. Во **введении** обосновывается выбор темы и ее актуальность, определяются цель, задачи и методы исследования, объясняется выбор источникового материала и хронологических рамок исследования, а также описывается структура диссертации.

Глава первая посвящена историографии англо-нормандского историописания с тюдоровской эпохи до настоящего времени. В ней рассматриваются такие вопросы, как публикация отдельных текстов и их переводов, периодизация изучения данной проблемы, складывание основных современных направлений в ее исследовании. В истории изучения данной проблематики выделяется три периода, которые можно условно обозначить как: 1) «антикварный» или «эрудитский» (сер. XVI – сер. XIX вв.); 2) «позитивистский» (сер. XIX в. – 1960-е гг.); 3) современный (с конца 1960-х гг.).

Главными достижениями ученых-антиквариев первого периода были соби́рание и каталогизация старинных рукописей (Дж.Лиланд, М.Паркер, Р.Коттон), публикация источников (У.Лэмбард, Дж.Селден, Г.Уортон, У.Дагдейл, Т.Хирн), а также создание библиографических справочников по средневековой литературе (Дж.Бэйл, Дж.Питтс, Т.Таннер). Их усилиями, к началу XIX в. была выявлена и опубликована бо́льшая часть исторических сочи-

нений англо-нормандской эпохи, однако качество изданий, как правило, оставляло желать лучшего.

Ситуация начала меняться в 1-й трети XIX в., когда в английском обществе наметился подъем интереса к национальной истории и культуре. В столице и провинции стали возникать многочисленные объединения любителей старины. Под влиянием немецкой науки в британской историографии утвердились новые принципы работы с источниками, основанные на приемах критики текстов. Важнейшим событием этого периода стало создание многотомного собрания источников по истории Великобритании (Rolls Series), куда вошли многие памятники англо-нормандской эпохи. Большое значение имели также подготовленные Ч.Пламмером первые критические издания Англосаксонской хроники и «Церковной истории английского народа» Беда Достопочтенного. Одновременно, значительная часть этих источников была впервые переведена на английский язык. В 1930-1950-е гг. стали появляться первые исследования специально посвященные проблеме английского средневекового историописания, в частности, в первое столетие после Нормандского завоевания (В.Гэлбрейт, Р.Дарлингтон). Однако для исследователей этого периода, как и для их предшественников, было характерно «потребительское» отношение к источникам. Их не интересовал содержащийся в нем авторский замысел, литературный и культурный контекст, в котором создавалось то или иное произведение.

Лишь с 1970-х гг. в британской медиевистике, отчасти под влиянием немецкой (Й.Шпёрль и его школа) и французской (Б.Генэ) историографии, начал возникать интерес к этому кругу проблем. Важную роль в стимулировании исследований сыграл цикл лекций Р.Сазерна, посвященный аспектам европейской традиции историописания. Большое значение имела и опубликованная почти одновременно с этим монография А.Грэнсден об английском средневековом историописании.

В современных исследованиях, посвященных средневековой исторической литературе, выделяются три направления, которые можно условно обозначить, как «филологическое», «этнопсихологическое» и «историко-культурное». Представители первого из них (как правило, литературоведы, а не историки), следуя методологии так называемого «лингвистического поворота», стремятся рассматривать памятники средневекового историописания, прежде всего, как литературные произведения. Особое распространение этот подход получил среди американских исследователей (Н.Партнер, М.Оттер, Дж.Блэкер).

В работах, относящихся к «этнопсихологическому» направлению, анализируется, прежде всего, влияние исторических сочинений на формирование национального самосознания. В трудах Э.Уильямс, Дж.Гиллингема, Х.Томаса эта проблематика достаточно плодотворно исследуется на материале Англии эпохи после Нормандского завоевания. Однако в рамках нашей темы представляется наиболее плодотворной методология, характерная для работ «историко-культурного» направления, посвященных изучению феноменов письменной культуры и социальной памяти в средние века (Р.Мак-Киттерик, П.Гири). Применительно к англо-нормандской эпохе, существует немало работ, в которых этот круг вопросов анализируется на примере отдельных авторов (Вильгельм Мальмсберийский, Гальфрид Монмутский, Генрих Хантингдонский) или центров (Кентербери, Вустер, Дарем, Бери Сент-Эдмундс), однако обобщающих работ практически нет.

В **главе второй** содержится систематический обзор привлеченных источников. Сообщаются необходимые сведения об особенностях различных памятников, времени и месте их создания, создателе (если он известен), текстологической истории, источниках приводимой в них информации, имеющихся изданиях.

В **параграфе 2.1** дается общая характеристика хронологии, жанровой природы, авторства источников рассматриваемого периода.

Параграф 2.2 посвящен хронографическим сочинениям общеанглийского масштаба. В англо-нормандскую эпоху продолжалось ведение анналов на древнеанглийском языке, известных под общим названием «Англосаксонская хроника». В конце XI – 1-й пол. XII вв. были созданы рукописи D, E и F, а также добавлен новый материал к уже существовавшим рукописям A, B и C. В первые десятилетия XII в. во многих центрах также происходил перевод различных версий Англосаксонской хроники на латынь. Наряду с продолжавшейся традицией создания хроник, оформленных в виде серии погодных записей, в Англии в 1-й четверти XII в. начинается создание более сложных по форме исторических сочинений, выполненных в русле раннесредневековой «риторической историографии» (труды Эадмера, Вильгельма Мальмсберийского, Генриха Хантингдонского, Альфреда из Беверли). Важную роль в развитии представлений о прошлом сыграла «История королей Британии» Гальфрида Монмутского. Она заложила основы псевдоисторической традиции, связанной с «бриттским» периодом истории острова, которая сохраняла заметное влияние вплоть до ран-

него Нового времени. Наконец, в этот период начинается создание стихотворных исторических сочинений на англо-нормандском диалекте французского языка. Первым дошедшим до нас примером такого произведения является «История англов» Гаймара.

В **параграфе 2.3** описываются «местные истории», то есть исторические сочинения англо-нормандской эпохи, посвященные истории отдельных религиозных центров. Они обнаруживают общие черты, с одной стороны, с агиографическими текстами, с другой – с картуляриями и другими собраниями документов. Если в первые десятилетия после Нормандского завоевания «местные истории» были сравнительно малочисленны и невелики по объему, то в 1-й пол. XII в. было создано несколько достаточно крупных и ярких текстов такого рода, в частности, «Книжица о начале церкви Дарема» Симеона Даремского, «История церкви Йорка» Гуго Кантора и «О древности церкви Гластонбери» Вильгельма Мальмсберийского. Перу последнего принадлежат также «Деяния английских епископов», по сути, являющиеся суммой более-менее подробных историй епископских кафедр и крупнейших монастырей Англии. Заключительная, пятая книга этого сочинения, наибольшая по объему, полностью посвящена истории его родного аббатства Мальмсбери от его основания св. Альдхельмом до времени самого Вильгельма.

Параграф 2.4 посвящен различным анналистическим памятникам и «текстам-каталогам». Отмечается, что анналы и разнообразные перечни и родословные являлись наиболее простой и, одновременно, самой распространенной формой фиксации сведений о прошлом, а потому, невнимание к этим источникам может серьезно исказить наши представления об исторической культуре эпохи. Среди собраний погодных записей, сохранившихся от англо-нормандской эпохи, можно различить несколько традиций. Так, анналы из Торни и Питерборо восходят к протографу, созданному в самом нач. XI в. англосаксонским ученым Биртфертом из Рамзи. Во многих других религиозных центрах (Винчестер, Бэттл, Льюис, Плимpton) катализатором начала ведения погодных записей стало знакомство с анналами, попавшими в Англию из Нормандии. Кроме того, существовали полностью независимые памятники, при пополнении которых новыми погодными статьями не использовались письменные источники (анналы из кафедрального приората Кентербери). Наконец, анналы могли создаваться единовременно, на основе одного или нескольких источников (Уинчкомб, Дарем). К числу «текстов-каталогов», бытовавших в Анг-

лии в рассматриваемый период, относятся королевские родословные, епископские списки, а также перечни графств и диоцезов. Первые две разновидности уходят корнями в англосаксонскую эпоху, третья, как будто, возникает лишь в 1-й пол. XII в. Наибольший интерес среди такого рода материалов представляет вводная часть к «Хронике» Иоанна Вустерского, а также созданный в Дареме трактат «О приходе саксов».

В **параграфе 2.5** рассматриваются агиографические сочинения англо-нормандской эпохи. Подробно характеризуется деятельность фламандских авторов Госцелина и Фолькарда, работавших в Англии в первые десятилетия после Нормандского завоевания, анализируется серия перенесений мощей английских святых в новые соборы в конце XI – нач. XII в. (Кентербери, Дарем, Винчестер, Бери Сент-Эдмундс, Или), после которых, как правило, создавались агиографические сочинения, посвященные местным святым. Особое место уделено житиям святых, пользовавшихся только локальной известностью, а также феномену популярности культов «кельтских» святых в Англии в 1-й пол. XII в. Также отмечается, что наряду с традиционной формой житий святых, в Англии в 1-й пол. XII в. появляются сочинения, приближающиеся к светской биографии, а также трактаты или полемические сочинения, замаскированные под агиографию.

В **параграфе 2.6** речь идет о юридических памятниках, часто содержащих вставки исторического характера. Отмечается, что все они являлись не нормативными документами, а трактатами, создававшимися в качестве частной инициативы, хотя чаще всего – на основе подлинных законодательных актов англосаксонских или англо-нормандских королей. В рассматриваемый период выделяется три основных направления научно-юридической деятельности: собирание оригиналов законодательных памятников на древнеанглийском («Рочестерский текст»), их перевод на латынь («Установления Кнута», «Соглашение Кнута», «Quadrupartitus») и систематизация современной судебной практики в виде квазинормативных текстов от имени кого-либо из английских монархов («Законы Генриха I», «Законы короля Эдуарда»).

Параграф 2.7 посвящен документальному материалу, прежде всего, – картуляриям и комплексам поддельных грамот, поскольку они в наибольшей мере были призваны активно конструировать образ прошлого, а не отражать уже сложившиеся представления о нем. Отмечается характерное для Англии существование памятников, сочетающих в себе тексты грамот с нарративными

вставками различного характера («Картулярий Хемминга», «Рочестерский текст», «Книжица Этельвольда», «Сообщение Хэды»).

В заключительном **параграфе 2.8** собраны сведения о прочих разновидностях источников данного периода, отражающих представления об истории. Это, во-первых, своеобразные «литературно-исторические» сочинения, появляющиеся ближе к сер. XII в., вероятно, под влиянием франкоязычных «жест» и зарождающегося романа. История в них служит лишь фоном для вымышленных историй, предназначенных для развлечения или поучения («Деяния Хереварда», «Рассказ о жене Эрнульфа»). Кроме того, дается характеристика эпистолярных собраний, поэзии на исторические темы (эпитафии историческим лицам, стихотворные описания сражений и т. д.), а также иконографических источников («Гобелен из Байё», миниатюры в рукописях с текстами исторического содержания).

В **главе третьей** историографическая активность в Англии первого века после Нормандского завоевания анализируется в пространственно-временном контексте.

Параграф 3.1 содержит краткий обзор англосаксонской и нормандской историографической традиций до 1066 г., отмечены сходные черты и различия между ними. В нем ставится под сомнение тезис об упадке историописания в Англии в X – 1-й пол. XI вв. Выдвигается гипотеза о сосуществовании в позднеанглосаксонский период двух отдельных, хотя и связанных друг с другом, исторических традиций. Одна из них, представленная Англосаксонской хроникой, сочинениями Ассера и Этельвеарда, была связана, прежде всего, с идеей единого англосаксонского государства, воплощением которого служила уэсексская династия. Однако примерно с конца правления Этельреда II начался упадок этой традиции, а гибель англосаксонского государства в результате Нормандского завоевания означала окончательное ее исчезновение. С X в. параллельно с ней в Англии развивалась историческая традиция, связанная с бенедиктинскими монастырями, возникшими в результате церковной реформы. Фактически, это была совокупность местных традиций, объединенных общими ценностями, мировоззрением и, отчасти, представлениями об истории английской церкви. В формировании этой традиции также сыграли большую роль сочинения Беды, хотя прочитанные под иным углом зрения. В них деятели церковной реформы искали, прежде всего, картину «золотого века» английского монашества в Нортумбрии VII-VIII вв. Ее возникновение было связано с необ-

ходимостью заполнить зияющий разрыв в исторической памяти, вызванный первой волной набегов викингов. Эта традиция также переживала кризисы, но продолжала существовать и после Нормандского завоевания. Однако со 2-й пол. XI в. она испытывала различные внешние влияния, в числе которых была и принесенная в Англию нормандская историческая традиция. Сильная сторона последней заключалась в том, что она была представлена текстами, хотя и не столь авторитетными, как, например, «Церковная история» Беды, но в большей мере отвечающими литературным вкусам эпохи, чем англосаксонские сочинения, не вполне адекватные по лингвистическим или стилистическим параметрам.

Параграф 3.2 посвящен историографической активности в Англии в 1060-1080-е гг. В нем, в частности, рассматривается гипотеза Э. ван Хоутс о «коллективной психологической травме», якобы, постигшей англосаксонское общество в результате Нормандского завоевания и ставшей причиной «историографического молчания» во 2-й пол. XI в. Однако комплексный анализ источников свидетельствует, что в этот период, по сравнению с первой половиной столетия, количество создаваемых текстов исторического характера, как минимум, не уменьшилось, а, возможно, даже увеличилось. Не претерпел серьезных изменений и характер историописания: основная масса текстов по-прежнему была связана с местными традициями и культурами святых крупнейших монастырей, возникших в Англии в результате церковной реформы X в. Несмотря на отдельные случаи конфликтов по этническому признаку в религиозных общинах, самое позднее – к концу 1080-х гг. большинство прелатов континентального происхождения осознало необходимость пропаганды культов местных святых. Многие из них с этой целью заказывали новые агиографические сочинения. Хотя все описания Нормандского завоевания, сохранившиеся в английских источниках этого периода, достаточно кратки, это вполне можно объяснить как их жанровой природой, так и политически рискованным характером данной темы. Таким образом, вряд ли возможно говорить о психологических трудностях, с которыми рассказ о недавней истории был сопряжен для представителей английского духовенства. О реакции на это событие других социальных групп из-за специфики источников судить гораздо сложнее. Вполне понятно, что поражение при Гастингсе вызвало шок и ощущение полного и бесповоротного краха у активных сторонников семьи эрла Годвина, однако было бы ошибкой распространять эту оценку на все англосаксонское общество. Вероят-

но, сходной была реакция большей части англосаксонской аристократии, лишившейся земельных владений и власти. Однако представители английского духовенства (социальной группы, в наибольшей мере ответственной за сохранение исторической традиции) стремились приспособиться к новой политической и культурной реальности и спасти как можно больше из прежнего наследия. Особое место в этом процессе принадлежало религиозным общинам, которыми дольше других управляли прелаты-англосаксы (Вустер, Ившем). В то же время, господство в английской церкви реформаторов круга Ланфранка ускорило знакомство англичан с новейшими европейскими интеллектуальными и литературными веяниями, что в дальнейшем имело ощутимые последствия для развития историописания в Англии.

Параграф 3.3, наибольший по объему, содержит анализ историографических процессов в среде английского монашества в 1-й пол. XII в., где они в этот период развивались плодотворнее всего. В нем за основу был взят метод региональных исследований. Особое внимание в нем уделяется выявлению основных центров историографической деятельности в каждом регионе, обмену информацией и движению рукописей между этими центрами. В **разделе а)** рассматривается историографическая деятельность в Кенте и юго-восточной Англии. Ее крупнейшим центром в этой части страны являлся кафедральный приорат Кентербери, в котором на протяжении англо-нормандского периода было создано большое число разнообразных текстов исторического содержания: общеанглийские хроники и истории (рукопись F Англосаксонской хроники, «История нового времени» Эадмера), агиография (сочинения Осберна и того же Эадмера), анналы, различные собрания документов и др. Подробно анализируются свидетельства, в т. ч. ранее незамеченные исследователями, контактов, в этой сфере с религиозными корпорациями как из Кента (аббатство св. Августина, кафедральный приорат Рочестера), так и из других частей Англии (Вустер, Дарем, Питерборо). Также рассматривается историописание в других религиозных центрах этого региона: капитуле Лондона, аббатствах Вестминстер, Льюис и Бэттл.

В **разделе б)** анализируется историописание в монастырях западной Англии, в первую очередь, – в Вустере. Особое внимание уделено текстологической истории «Хроники» Иоанна Вустерского и родственных ей текстов. На основании этого анализа, в частности, выдвигается гипотеза о существовании более ранней, по сравнению со всеми известными списками, версии этого сочи-

нения, оканчивавшейся на 1122 или 1123 г. Вероятно, именно она лежит в основе «Истории королей англо», «Анналов Уинчкомба» и «Анналов о церквях и королевствах Англии». Кроме того, рассматриваются историографические процессы в других западноанглийских обителях: аббатствах Ившем, Уинчкомб, Глостер и др.

Раздел в) посвящен историописанию в юго-западной Англии в рассматриваемый период. Центральное место в нем занимает анализ деятельности Вильгельма Мальмсберийского, связанной, в первую очередь, с аббатствами Мальмсбери и Гластонбери. Отмечается, что, хотя его сочинения принадлежат к числу крупнейших историографических достижений англо-нормандской эпохи, они (в частности, «Деяния английских королей») не пользовались большим успехом у современников. В качестве главных причин этого указываются их сложная структура и большое влияние античных авторов. К числу других центров этого региона, в которых создавались тексты исторического характера, относятся монастыри Винчестера, Бата, Шерборна.

Раздел г) посвящен историографическим процессам в Восточной Англии и области Фенов. К числу крупнейших центров историописания не только в этом регионе, но и во всей Англии относились аббатства Бери Сент-Эдмундс и Питерборо и кафедральный приорат Или. В этих корпорациях создавались разнообразные тексты исторического содержания, посвященные не только местной, но и общеанглийской истории («Анналы из Сент-Неотс», рукопись E Англосаксонской хроники). Подробно анализируются историографические контакты этих центров между собой, с другими религиозными корпорациями данного региона (Рамзи, Кроулэнд, Торни) и других областей Англии.

В **разделе д)** анализируется развитие историописания в Северной Англии в англо-нормандскую эпоху. Огромное значение для этих процессов имело так называемое «возрождение монашества в Нортумбрии», ключевым эпизодом которого стало преобразование в 1083 г. даремской секулярной «конгрегации св. Кутберта» в бенедиктинский приорат. Стремление монахов Дарема обосновать свои претензии на статус «хранителей св. Кутберта» привело к созданию целого ряда сочинений исторического характера, в частности, нескольких собраний чудес св. Кутберта и «Книжицы о начале церкви Дарема» Симеона Даремского. Эта активность стимулировала аналогичные процессы в некоторых других религиозных центрах региона, в особенности, в Йорке и Хексеме. Одновременно

даремские монахи поддерживали связи со многими религиозными общинами в южной Англии (Кентербери, Вустер, Бери Сент-Эдмундс, Торни, Рамзи).

Наконец, в **разделе е)** суммируется материал предыдущих разделов и на основании этого делаются некоторые выводы. Высказывается тезис о двойственном характере историографических процессов в Англии в рассматриваемый период. С одной стороны, достаточно явно выделяются нескольких регионов, внутри которых связи между отдельными центрами были особенно многочисленными и тесными. С другой, для таких крупнейших очагов историописания, как кафедральные приораты Кентербери, Дарема и Вустера, были характерны контакты и обмен информацией с многочисленными монастырями по всей Англии. В разделе также кратко характеризуются свидетельства интереса к прошлому в областях, оставшихся вне рамок предыдущих разделов.

В **параграфе 3.4** рассматриваются новые тенденции в английском историописании в 1140-1150-е гг., в частности – потеря монахами-бенедиктинцами монополии в этой области. Рассматривается историографическая деятельность в общинах каноников-августинцев и цистерцианцев, а также коллегиях секулярных клириков. Анализ источников свидетельствует, что в Северной Англии, в отличие от других частей страны, представители различных групп духовенства активно сотрудничали в области историописания. Такое взаимодействие анализируется на основе детального рассмотрения «генетического досье» «Истории королей англов» и родственных ей текстов. В результате, делается вывод, что представленный в единственной известной рукописи текст содержит следы нескольких этапов редактирования, осуществленных на протяжении 1-й пол. XII в. в Дареме, Хексеме и Беверли или Йорке. Кроме того, в параграфе рассматриваются новаторские сочинения, стоявшие, в значительной мере, вне устоявшейся традиции историописания: «История англов» Гаймара и «История королей Британии» Гальфрида Монмутского.

Последние две главы диссертации посвящены анализу содержания исторической традиции конца XI – 1-й пол. XII вв. В **главе четвертой** рассматриваются представления авторов англо-нормандской эпохи о «церковной» истории Англии. В **параграфе 4.1** дается общая характеристика проблемы, в частности, – определяется предмет «церковной истории» и ее место в мировоззрении средневековых авторов. Высказывается предположение, что самое принципиальное различие между «светской» и «церковной» историей для средневековых авторов состояло в их предмете, а не способе познания или формальном

воплощении. Рассматривается соотношение понятий «священной» и «церковной» истории, которые признаются родственными, но не идентичными. По мнению автора, понятие «церковная история» объединяло в средние века два отдельных, но связанных друг с другом пласта представлений о прошлом: универсальную «священную историю», обнимавшую события, описанные в Библии, и дальнейшую судьбу христианской Церкви, и локальную историю, касающуюся конкретной религиозной обители, в т. ч. и ее святых. При этом местная история неизбежно воспринималась в контексте истории универсальной как ее неотъемлемая часть.

В **параграфе 4.2** речь идет об описании христианизации Британии в различных источниках, выявлении нескольких основных подходов к этой проблеме и их соотношению. В сочинениях англосаксонской эпохи, прежде всего, в «Церковной истории» Беда, ключевым событием в «крещении Британии» признается миссия Августина и других проповедников, посланных папой Григорием Великим и его преемниками, тогда как вся предшествующая история распространения христианства на острове занимает второстепенное место. При этом, «апостолом англов» признавался именно папа Григорий, а не Августин, оставшийся второстепенной фигурой. В такой расстановке акцентов, прежде всего, играло роль то обстоятельство, что именно римские миссионеры принесли «свет Истины» англосаксам, тогда как бритты отказывались проповедовать христианство своим врагам. Немаловажно также, что представители «кельтских» церквей, с точки зрения официального Рима, которую разделял и Беда, придерживались ошибочного способа исчисления Пасхи, то есть не были подлинными католиками. В англо-нормандскую эпоху эта картина начала постепенно трансформироваться. В частности, большее значение начинает приобретать образ Августина, за которым, благодаря активной пропаганде его культа в Кентербери, закрепляется почетный титул «апостола англов». Кроме того, с 1-й пол. XII в. в некоторых центрах предпринимались попытки «продления» местной истории в «доавгустинову» эпоху, что привело к увеличению интереса к истории «кельтских» церквей и их святых. В контексте этого движения была воспринята и «История королей Британии» Гальфрида Монмутского, который попытался создать принципиально новую версию «церковной» истории острова, в центре которой находилась «бриттская» церковь. Однако его концепция в целом, в отличие от отдельных элементов, не была принята в английском историописании.

В **параграфе 4.3** анализируется периодизация «церковной истории» и формирование «канона святых» английской церкви, а также взаимосвязь этих сюжетов. По утверждению автора, основы представлений об этих темах сложились еще в эпоху монашеской реформы 2-й пол. X в. и в англо-нормандский период кардинально не менялись. В произведениях авторов этой эпохи, как и у их предшественников, содержатся описания как процветания религии в ранний период (VII-VIII вв.) и в правление Эдгара (2-я пол. X в.), так и катастрофических последствий первой и второй волны норманнских набегов. В одном отношении, однако, Нормандское завоевание серьезно повлияло на восприятие английской церковной истории. Благодаря, прежде всего, «Истории нового времени» Эадмера, утвердилось восприятие 1-й пол. XI в. как эпохи глубокого морального упадка духовенства и имущественных притеснений со стороны светских магнатов. Эта точка зрения была воспринята многими последующими авторами, например, Вильгельмом Мальмсберийский. С этой точки зрения, Нормандское завоевание стало для английской церкви настоящим благодеянием, поскольку после него началась новая полоса реформ, связанных, прежде всего, с деятельностью Ланфранка и других священнослужителей континентального происхождения. В то же время, нет оснований считать, что большая часть английского духовенства, в том числе и монахов, считала время Эдуарда Исповедника столь уж кризисным. Скорее, оценка определялась перипетиями истории конкретной религиозной общины в то время. Кроме того, развивавшийся со 2-й четверти XII в. культ Эдуарда Исповедника также способствовал формированию позитивного образа его правления.

В **главе пятой** рассмотрено содержание английской исторической традиции продолжается на материале «светской», или «профанной» истории. В **параграфе 5.1** характеризуются основные черты «светской» истории в англосаксонскую эпоху. Одновременно с политическим объединением английских земель при короле Альфреде и его преемниках происходило присвоение местных исторических традиций и их включение в состав сочинений, создававшихся в поддержку уэссекской династии. Однако после возобновления в конце X в. скандинавских набегов, приведших к захвату престола Кнудом, в англосаксонском историописании начался идейный кризис, который усугубило Нормандское завоевание. В результате, к нач. XII в. не существовало «живой» исторической традиции общеанглийского масштаба, однако в распоряжении авторов

англо-нормандской эпохи имелся довольно большой корпус источников, отражавших разные стадии развития представлений англосаксов о своем прошлом.

В **параграфе 5.2** анализируются характерные для историописания 2-й пол. XI – 1-й пол. XII вв. взгляды на раннюю историю Британии и англосаксонское завоевание. Отмечается, что в течение этого периода постепенно рос интерес к периоду до «прихода саксов», что, с точки зрения автора, было связано с общим изменением восприятия «островной» истории. В предшествующей традиции, идущей от Беды и Англосаксонской хроники, в центре внимания находилась судьба «народа англов», но в некоторых сочинениях 1-й пол. XII в. («История англов» Генриха Хантингдонского, «История королевских деяний» Альфреда из Беверли) произошло смещение фокуса. В их основе лежал рассказ об установлении «власти» (*impregium*) над Британией последовательно бриттов, римлян, саксов и нормандцев, а также различных перипетиях в судьбе этих народов. При этом, долгое время англо-нормандские авторы располагали о далеком прошлом страны лишь информацией, сообщаемой в сочинениях некоторых античных историков, Беды и «Истории бриттов». Ситуация резко изменилась с опубликованием «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского. Это сочинение ввело в оборот массу абсолютно новой информации о ранней истории «королевства бриттов», не поддававшейся проверке со стороны других авторитетов. Кроме того, Гальфрид подверг ревизии многие аспекты исторической традиции, и английской, и валлийской, касающиеся истории Британии в составе Римской империи, а также англосаксонского завоевания. Тем самым он стремился подчеркнуть превосходство бриттов над другими народами в военной, политической и моральной сферах. В частности, одним из признаков отсталости англосаксов для него было долгое существование у них политической раздробленности. Напротив, большинство других англо-нормандских авторов рассматривало существование нескольких англосаксонских королевств в ранний период как особенность их политического строя, совсем не обязательно свидетельствующую о его несовершенстве. Более того, в их трудах начало формироваться представление об особом «содружестве» этих королевств, кристаллизовавшееся в концепт «гептархии», до сих пор оказывающий влияние на историческую науку. Впервые идея о разделении Англии именно на семь королевств была высказана Генрихом Хантингдонским. Со временем она стала общепринятой, однако в англо-нормандскую эпоху представления о ранней англосаксонской истории были куда менее четкими.

Параграф 5.4 посвящен критериям, по которым авторы англо-нормандской эпохи оценивали отдельные периоды истории своей страны, а также тех или иных исторических деятелей. В целом, большинство авторов англо-нормандской эпохи подходило к персонажам «светской» истории с набором критериев, вполне обычных для раннесредневекового историописания. В центре их внимания находились фигуры королей, которые оценивались, главным образом, по трем параметрам: военные успехи, покровительство церкви и поддержание справедливости и «мира». При этом большинство историков-монахов ставило на первое место именно благочестие и заботу о благополучии духовенства. Некоторые авторы добавляли к этим признакам «идеального правителя» дополнительные факторы, например, покровительство ученым или куртуазность. Среди положительных типов монархов выделяется образ «объединителя Британии», в различных источниках в этом качестве представлены Эгберт, Альфред или Этельстан.

С идеей объединения страны в английском историческом сознании было тесно связано представление о лежащем в прошлом «золотом веке» Англии. Утверждается, что в исторических сочинениях рассматриваемого периода таким периодом расцвета выступает одна из трех эпох: так называемый «золотой век Нортумбрии», прославленный в «Церковной истории английского народа» Беды; середина X в. – период правления Эдгара и деятельности реформаторов английской церкви Дунстана, Этельвольда и Освальда; правление Эдуарда Исповедника. При этом, созданная Бедой идеализированная картина правления святых королей Эдвина, Освальда и их преемников была слишком удаленной во времени и слишком ориентированной на Нортумбрию, поэтому англо-нормандские историки, за исключением работавших в Северной Англии, предпочитали обращаться к более близким временам. Примерно до середины XII в. время Эдгара оценивалось выше, чем правление Эдуарда, тогда как с середины столетия все чаще именно эпоха последнего представителя англосаксонской династии воспринималась как «золотой век» Англии. Это было связано с несколькими факторами. Во-первых, правление Эдгара, на которое пришелся апогей монашеской реформы, было наиболее значимо для авторов-бенедиктинцев, с которыми примерно со 2-й четверти XII в. все больше конкурировали в сфере историописания секулярные клирики. Во-вторых, происходил постепенный рост «репутации» Эдуарда Исповедника, особенно, после его официальной канонизации в 1161 г. Кроме того, популярности последнего представителя уэс-

секской династии способствовало восприятие всей правовой системы англосаксонской эпохи, отчасти, сохранявшей актуальность и после 1066 г., как «законов короля Эдуарда». В параграфе также отмечается, что восприятие того или иного правителя очень часто определялось местными традициями корпорации, в которой создавалось данное сочинение. В результате, практически нет королей, которые удостоивались бы от всех авторов исключительно положительной или отрицательной оценки. К числу наиболее ярких негативных образов в трудах английских историков первого столетия после Нормандского завоевания относятся фигуры «злокозненных советников» (Эадрик Стреона, Годвине) и узурпаторов престола (Гарольд).

Заключительный **параграф 5.4** призван ответить на вопрос, как именно воспринимали историки рассматриваемого периода отношения Англии и англичан с другими странами и народами. В нем рассматриваются географические представления англо-нормандских хронистов, для которых было характерно сочетание прославления своей родины, Британии, с унаследованным от античности представлением о ней как о «дальнем угле» мире. их взгляды на «кельтские» этносы, скандинавов, а также отношение к Нормандскому завоеванию. При этом, с конца X в. с понятием «Британия» успешно конкурировал другой географический концепт, «Англия». Иногда эти понятия выступали синонимами, но чаще Англия воспринималась как одна из составных частей Британии. Это было связано с прочно утвердившимся представлением о полтиэтничном составе населения острова, причем с 1-й пол. XII в. «культурные» англичане и нормандцы все чаще противопоставлялись «кельтским варварам». Однако формирование негативного образа последних происходило постепенно и, в значительной мере, зависело от предшествующей традиции, в особенности, сформированной Бедой. Критикуя современных им валлийцев или «скоттов», под которыми в этот период могли пониматься и ирландцы, и шотландцы, англо-нормандские авторы часто не отказывали им в славном прошлом, особенно, в том, что касается церковной истории и культов святых. Тем самым создавалась благоприятная почва для «присвоения» этих традиций англичанами как более достойными их хранителями и продолжателями. В отличие от «кельтских» народов, скандинавы, активно заселявшие в IX – X вв. северные и восточные районы Англии (так называемая «Область датского права» – «Данелаг»), ко времени Нормандского завоевания уже почти полностью ассимилировались с англичанами, а потому далеко не всегда воспринимались в однозначно черном цвете,

как «чужие». Дальнейшее развитие позитивного отношения к ним в историописании после 1066 г. было связано и с сохранявшейся памятью нормандцев о своих «скандинавских корнях».

В заключении параграфа рассматривается восприятие английскими авторами 2-й пол. XI – 1-й пол. XII вв. Нормандского завоевания. Отмечается, что в сочинениях, написанных в первые десятилетия после этого события, дана наиболее пессимистическая оценка его последствий для «английского народа». С другой стороны, в 1-й пол. XII в. многие авторы стали указывать и на положительные итоги Завоевания, например, реформирование английской церкви. Основную установку, содержащуюся в сочинениях англо-нормандских историков, можно определить как стремление к сотрудничеству с завоевателями, которые, в свою очередь, должны были признать в коренных англичанах достойных и надежных партнеров. В диссертации утверждается, что идеология примирения формировалась, прежде всего, в среде духовенства, то есть группы, ответственной в раннее и развитое средневековье за формирование и поддержание социальной памяти. На уровне отдельных религиозных корпораций происходило постоянное взаимодействие представителей двух этнических групп, оказавшихся связанными общими целями. В этих условиях клирики-иммигранты неизбежно должны были рано или поздно воспринять английское самосознание, сперва через самоидентификацию с конкретной религиозной общиной, ее культурами святых, историей и традициями, а затем – и с Англией в целом. Этот переход облегчался наличием достаточно сильной и развитой английской идентичности, основанной, в частности, на представлении о единой истории англосаксонских племен. Для того, чтобы добиться утверждения нормандского самосознания среди покоренного населения, Вильгельму Завоевателю и его соратникам было бы необходимо провести среди английского духовенства столь же массовые чистки, как и среди светской аристократии, и тем самым обеспечить уничтожение или присвоение местных исторических традиций. Однако такого рода действия противоречили всем принципам политики нормандцев, поскольку лишили бы их едва ли не главного орудия в установлении эффективного контроля над покоренной страной – лояльно настроенного духовенства. Можно сказать, следовательно, что сохранение английской исторической традиции и конечный триумф английского национального самосознания были если не неизбежны, то, во всяком случае, закономерны. Наглядным воплощением «англо-нормандского синтеза» стала фигура Генриха II, по женской линии являвшегося

потомком англосаксонского королевского рода. Не случайно, в его вступлении на престол многие авторы (например, Эйльред из Рьево) видели залог окончательного примирения и сотрудничества англичан и нормандцев. Хотя формирование единой английской народности затянулось до XIV в., ее основа была заложена именно в первое столетие после Нормандского завоевания, в т. ч. благодаря созданию единой и социально приемлемой для переселенцев с континента исторической традиции.

В **заклучении** суммируются основные выводы исследования относительно сущности английской исторической традиции к середине XII в., а также кратко характеризуется ее дальнейшее развитие. Ставятся под сомнение устоявшиеся представления об упадке интереса к прошлому в позднеанглосаксонскую эпоху и «историографическом молчании» первых десятилетий после Нормандского завоевания. Отмечается, что в XI в. в Англии создавалось достаточно много текстов исторического содержания, однако они носили, главными образом, локальный и прикладной характер. Что касается стремительного подъема историописания в 1-й пол. XII в., то он не может объясняться какой-то одной причиной. Наряду с факторами, ранее отмечавшимися в историографии (необходимость защиты монастырями своих владений и привилегий, повышения роли письменности в обществе, влияние «возрождения XII в.»), в диссертации отмечается большая роль социальной памяти, хранителем которой в средние века выступало духовенство. Сосредоточение земельных владений и властных полномочий в руках иммигрантов с континента поставило английских священнослужителей перед необходимостью заново выстраивать взаимоотношения со светскими магнатами, прежде всего – на локальном уровне. Для этого было необходимо убедить новую элиту в том, что английские обитатели способны эффективно выполнять те функции, которые были присущи церкви в средневековом обществе. Важнейшими инструментами этой пропаганды были культы местных святых, а также практика литургического поминовения. Активную деятельность по созданию новых сочинений исторического содержания стимулировала лингвистическая и стилистическая неадекватность имеющихся текстов, с содержанием которых было необходимо познакомить новых «хозяев» Англии. Одновременно с этим представители англо-нормандской элиты, особенно во втором-третьем поколении, также начинали все больше интересоваться английской историей: именно они являлись заказчиками таких важнейших сочинений, как «Деяния английских королей» Вильгельма Мальмсберийского,

«История англоv» Генриха Хантингдонского и «История англоv» Гаймара. Этому интересу способствовала значительный континуитет англосаксонских институтов в сфере законодательства и государственного управления, особенно, на местном уровне. В результате деятельности историков англо-нормандской эпохи был создан образ прошлого оказавший огромное влияние как на «ученые», так и на «популярные» представления об английской истории. Важнейшим их вкладом в позднейшую традицию стала идея о единстве истории Британии, воспринимаемой под «английским» углом зрения. В то же время, концепт «Британии» не был полностью исключен из этого дискурса, что способствовало его успешной актуализации в XVII в.

В **приложении** приведена генеалогическая схема королевских родов Кента, Восточной Англии и Мерсии, представителям которых считалась присуща особая святость (так называемая «Кентская королевская легенда»). Схема составлена на основе различных агиографических текстов X – XII вв.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Мереминский С.Г. Архидьякон Генрих Хантингдонский. История англоv // Культурология: Дайджест. № 2 (2003). С. 136-144. 0.4 а.л.

2. Мереминский С.Г. Григорианская церковная реформа, проблема брака у духовенства в Англии XII в. и «История англоv» Генриха Хантингдонского // Nota Bene. Молодежный научно-публицистический альманах. Вып. 7. Саранск, 2003. С. 179-183. 0.25 а.л.

3. Мереминский С.Г. Концепция «презрения к миру» (*contemptus mundi*) в средневековой литературе: теория и действительность (на материале «Истории англоv» Генриха Хантингдонского) // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-2002». История. М., 2003. С. 171-174. 0.2 а.л.

4. Мереминский С.Г. Традиции средневековой риторической историографии в «Истории англоv» Генриха Хантингдонского // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его текст: XV чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто (Москва, 15-17 апреля 2003 г.): Мат-лы конференции. М., 2003. С. 162-166. 0.15 а.л.

5. Мереминский С.Г. «В поисках утраченного времени»: идея «золотого века» в английской историографии конца XI – начала XII вв. // Восточная Ев-

ропа в древности и средневековье. Время источника и время в источнике: XVI чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто. М., 2004. С. 131-135. 0.2 а.л.

6. Мереминский С.Г. Наследники Беды: «Письмо об архиепископах Йорка» Симеона Даремского в контексте исторической культуры Северной Англии в 1-й пол. XII века // Средние века. Вып. 66. М., 2005. С. 53-65. 0.5 а.л.

7. Симеон Даремский. Письмо об архиепископах Йорка / пер. с лат. С.Г.Мереминского // Средние века. Вып. 66. М., 2005. С. 65-74. 0.2 а.л.

8. Мереминский С.Г. Беверли и североанглийское историописание XII века // Средние века. Вып. 67. М., 2006. С. 140-163. 1.1 а.л.

9. Рецензия на книгу: Davy G. Le duc et le loi. Héritages, images et expressions du pouvoir normatif dans le duché de Normandie, des origines à la mort du Conquérant (fin du IXe siècle- 1087) // Средние века. Вып. 67. М., 2006. С. 340-343. 0.2 а.л.